

UNIVERSITATEA DIN BUCUREȘTI
FACULTATEA DE LIMBI ȘI LITERATURI STRĂINE
DEPARTAMENTUL DE FILOLOGIE RUSĂ ȘI SLAVĂ
ASOCIAȚIA PROFESORILOR DE LIMBA ȘI LITERATURA RUSĂ DIN ROMÂNIA

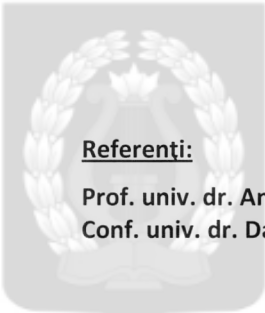
FILOLOGIE RUSĂ XXIX

№ 1/2013

editura universității din bucurești®

2013

Referenți:

Prof. univ. dr. Anca Irina Ionescu

Conf. univ. dr. Dana Cojocaru

COLEGIUL DE REDACTIE:

Prof. univ.dr. Aneta Dobre (coordonator științific)

Conf. univ. dr. Axinia Crasovschi (redactor-șef)

Prof. univ. dr. Mihaela Moraru (membru)

Asist. univ. drd. Florentina Marin (secretar de redacție)

COMITETUL DE REDACTIE:

Acad. prof. univ. dr. Tatiana M. Balihina (Universitatea Prietenia popoarelor,
Moscova, Rusia)

Prof. univ. dr. dc. Tatiana Niculescu (Universitatea din Milano, Italia)

Prof. univ. dr. Liudmila A. Konstantinova (Universitatea din Tula, Rusia)

Prof. univ. dr. Mitsushi Kitajo (Universitatea din Kyoto, Japonia)

Conf. univ. dr. Galina Gvozdovici (Universitatea din Minsk, Belarus)

Tehnoredactare:

Conf. univ. dr. Axinia Crasovschi

Asist. univ. drd. Florentina Marin

Copertă:

Asist. univ. drd. Florentina Marin

©Asociația Profesorilor de Limba și Literatura Rusă din România (Romanian Association of Teachers of Russian Language and Literature) <http://www.filologie-rusa.ro>

ISSN-L 1224-2993

ISSN 2285 – 5882

Elena V. MIHAILOVA
Minsk, Belarus

ОБРАЗ ТРУБЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

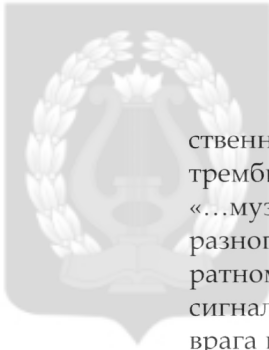
Ключевые слова: образ, труба, поэзия, медный, духовой, инструмент.

Слово *труба* в русском языке обладает разными значениями:

«...1. Длинный пустотелый предмет, обычно круглого сечения.

... 2. Медный мундштучный духовой музыкальный инструмент сильного, звучного тембра» и др. [Ожегов и Шведова 1999: 813]. В поэтическом дискурсе реализуются оба значения этого имени существительного, при этом второе встречается намного чаще, чем первое. В группе медных духовых инструментов «...труба, относится к высокотесситурному инструменту, имеющему общий диапазон от *фа-диез* малой октавы до *ре-ми* третьей октавы» [Иванов 2007: 109]. Семейство труб имеет «...свои разновидности, которые используются, но редко, в исполнительской практике: малая (пикколо), альтовая и басовая. Наиболее широкое применение в симфоническом, военно-духовом, джазовом оркестрах и различных ансамблевых объединениях находит сегодня сопрановая труба» [Иванов 2007: 109]. Звук трубы в различных регистрах отличается разнообразием: «В низком регистре звук трубы имеет оттенок драматичный, “как бы роковой” (Римский-Корсаков). Зато в среднем он ярок, блестящ и так силен, что “прорезывает” плотную звучность всего оркестра (“Поэма экстаза” А.Н. Скрябина). Иногда применяемая сурдина придает звуку трубы резкость и пронзительность» [Основы 2003: 248].

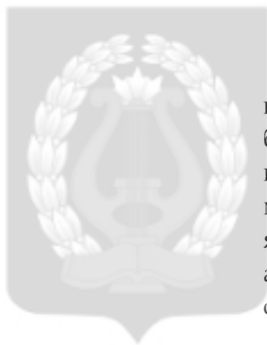
Ю.А. Усов пишет о трубе: «Наряду с флейтой труба – один из древнейших и широко распространенных во всем мире музыкальных инструментов. Как только первобытный человек осознал, что из пустотелой кости или рога животного, из морской раковины можно извлечь звук, он стал их применять в обиходе, на охоте, в войне, в различных обрядовых и праздничных церемониях» [Усов 1989: 11]. К.А. Вертков выделяет у рога и трубы сигнальную и музыкально-художественную функцию: «Инструментальная музыка сопутствовала многим сторонам жизни восточных славян. Такие инструменты, как рог и труба, обладавшие сильным, далеко несущимся звуком, служили незаменимыми орудиями сигнальной связи для жителей горных и лесных районов, занимавшихся охотой и скотоводством. Сигнальную функцию, наряду с музыкально-художественной» [Вертков 1989: 11].

ственной, они выполняют и до сих пор (подобно белорусской сурме или трембите гуцулов)» [Вертков 1975: 106]. По его мнению, большая роль «...музыкальным инструментам – трубе, рогу, сурне, аргану (варгану), разного вида бубнам, а также отчасти сопели и посвистели – отводилась в ратном деле. Здесь они применялись, главным образом, в качестве сигнальных инструментов при боевых операциях, создавая устрашающий врага шум во время наступлений и штурмов крепостей» [Вертков 1975: 111]. Многие духовые инструменты относились к пастушеским: «Например, сопель, свирель и жалейка были по преимуществу пастушескими, а рожок и труба – специфически пастушескими инструментами» [Вертков 1975: 128]. Образ трубы имеет еще и символическое значение: «“Труба” как военный сигнальный инструмент, как аллегорический символ божественной славы и как звуковая эмблема духовной силы русского государства упоминается в многочисленных письменных источниках различных эпох и жанров, фигурируя уже в первом переводе Библии на славянский язык...» [Коляда 2003: 203].

Издавна «...на Руси труба пользовалась широкой популярностью в народном быту. “Трубонькой”, “золотой” называют ее в песнях, легендах, сказаниях. Среди множества прототипов народного инструментария существуют три ее основных вида – рог, рожок и народная труба, которые корнями уходят в глубокую древность и на протяжении многих веков сохраняют свою природную простоту» [Усов 1989: 14]. У рога и трубы есть общие черты в строении и времени происхождения. Е.И. Коляда указывает: рог – это «...древнерусский духовой сигнальный инструмент, натуральная *труба* с коническим каналом, завершающимся раструбом. В музыкальной практике рог известен с древнейших времен...» [Коляда 2003: 192]; труба – это «...духовой мундштучный инструмент с коническим каналом, завершающимся раструбом. Известна разным народам с глубокой древности. В древнерусском инструментарии наряду с металлическими (медными, бронзовыми, из серебряных сплавов) существовали деревянные трубы» [Коляда 2003: 202]. Были даже роговые оркестры: «В 1751 году появилась роговая музыка. Организатором первого рогового оркестра был придворный валторнист чех Мареш. Роговой оркестр состоял из тридцати семи инструментов – от басов до дискантов, в общей сложности диапазоном в 3 октавы (впоследствии в 4 октавы); на каждом из них можно было извлечь только одну ноту. Музыкант должен следить и отсчитывать по листу точный момент вступления. В результате в стройной последовательности звучало музыкальное произведение» [Матвеев 1965: 28]. К.А. Вертков констатирует, что имела разница между функцией рогов и труб в оркестре: «Играть на рогах было достаточно просто, так как каждый рог мог издавать только один звук. От исполнителя не требовалось никаких специальных музыкальных знаний: он должен был только уметь извлекать в

нужный момент звук требуемой длительности и научиться считать бесконечные паузы. Для игры на рогах были набраны мальчики из крепостных Нарышкина, а на валторнах и трубах играли приглашенные музыканты. В этом составе оркестра мелодическими инструментами являлись валторны и трубы, рога же выполняли лишь скромную роль аккомпанемента» [Вертков 1948: 14]. У образа трубы семантическое содержание намного более сложное, чем у образа рога.

Ю.А. Усов так характеризует трубу: «В опере, балете, в симфонических произведениях мы слышим трубу тогда, когда музыкальное развитие достигает своего апогея, и именно ее звук придает музыке необыкновенный драматизм, приподнятость, вдохновенность. Композиторы часто поручают трубе также исполнение лирических тем широкого мелодического дыхания. ...Роль трубы в современном духовом оркестре подобна роли скрипки в симфоническом, она ведет основную мелодию и является первым голосом. Обязательно участие трубы в эстрадном и джазовом оркестрах. Она входит в различные вокально-инструментальные ансамбли, в диксиленд и прочие составы. Даже в оркестре народных инструментов часто присутствует труба» [Усов 1989: 3]. Труба имеет значительный диапазон: «Объем ее звучания сходен с вместе взятыми певческими голосами контральто и сопрано. Он простирается более чем на две с половиной октавы...» [Усов 1989: 8] («...имеется в виду труба в строе си-бемоль (in B)» [Усов 1989: 8]). Этот инструмент прекрасно исполняет мелодии: «Наряду с приобретением виртуозных данных трубач постоянно вырабатывает способность к воспроизведению широких мелодий, учится в полном смысле слова "петь" на инструменте» [Усов 1989: 10].

Образ трубы использован в русской поэзии конца XVIII – начала XX в. Труба упоминается при описании: 1) ветра (*труба Бореева* – Я.Б. Княжнин; *труба звонкая* – М. Кузмин [Иванова, Иванова 2004: 61]); 2) войны (*глас трубы военной* – А.А. Шишков; *глас бранных труб ужасный* – А.С. Пушкин; *труба военная* – И.И. Дмитриев; *трубы* – Д.В. Давыдов [Иванова, Иванова 2004: 82]); 3) вьюги, метели, пурги (*труба снежная* – А.А. Блок; *труба (метели)* – А.А. Блок [Иванова, Иванова 2004: 108]); 4) грома (*труба величья сил верховных* – Г.Р. Державин; *труба небесная: рев трубы небесной* – С. Бобров [Иванова, Иванова 2004: 121]); 5) осени (*марши труб золотых отдаленные* – А. Ахматова; *труба золотая* – А.А. Блок; *трубы золотые* – А. Ахматова [Иванова, Иванова: 372]); 6) победы (*труба звучная (гласа победы)* – Генриада, героическая поэма. Перевод кн. Голицына. М., 1790 [Иванова, Иванова 2004: 388]); 7) поэзии, поэтического творчества (*труба гомеровова* – Г.Р. Державин; *труба звучная* – И.И. Дмитриев; *труба златая* – Г.Р. Державин; *труба погрома* – А.А. Фет; *труба святая* – И. Северянин; *труба Тиртеева* – А.А. Шишков; *труба (чь)* – Г.Р. Державин; *труба* – Г.Р. Державин, В.В. Капнист, В.К. Кюхельбекер, А.П. Сумароков, М.М. Херасков; *звук лиры и трубы* – Г.Р. Державин; *звук святой*

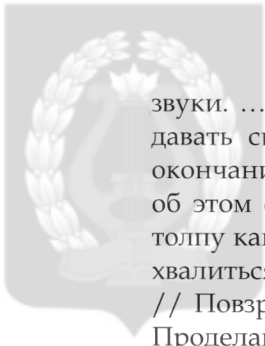

трубы – И. Северянин; *звук трубы* – И. Северянин [Иванова, Иванова 2004: 397]); 8) птичьего пения, крика – *труба петуха* – В.А. Жуковский; *трубы птиц протяжные* – М. Зенкевич; *трубы птичьи* – М. Кузмин [Иванова, Иванова 2004: 447]); 9) славы (*труба славы* – В.В. Капнист; *труба Славы* – С.А. Тучков; *труба громкая (славы)* – А.А. Дельвиг, М.А. Поспелова, Д.И. Хвостов; *труба немолчная* – А.С. Пушкин; *труба славословия* – Г.Р. Державин; *х о р ы труб* – Н.С. Гумилев [Иванова, Иванова 2004: 493]; *богиня со золотой трубой* – А.П. Сумароков [Иванова, Иванова 2004: 494]); 10) хвалы (*труба похвальная* – И.М. Долгоруков [Иванова, Иванова 2004: 590]); 11) хвои (*труба хрустальная* [в творительном сравнительном] – Н. Клюев [Иванова, Иванова 2004: 591]). Слова *трубы*, *трубный*, *трубач* встречаются при описании: 1) воды (*трубы вод* – Н. Клюев [Иванова, Иванова 2004: 74]); 2) музыки (*трубы ангельские* – Н.С. Гумилев; *глас трубный* – А.С. Пушкин; *голос труб* – А.С. Пушкин [Иванова, Иванова 2004: 318]); 3) океана (*трубы раковинные: г у л раковинных труб (океана)* – И.А. Бунин [Иванова, Иванова 2004: 369]); 4) смерти (*трубач снеговой* – А.А. Блок; *трубы смерти* – А.А. Блок [Иванова, Иванова 2004: 507]). Образ рассматриваемого музыкального инструмента помогает создать представление о: природных явлениях, существование которых сопровождается звучанием (ветре; вьюге, метели, пурге; громе; хвое; воде; океане); о времени года, связанном со многими этими явлениями (осени); о значительных (печальных и радостных) событиях как в общественной, так и в человеческой жизни (война, победа, смерть); об искусствах (поэзии, поэтическом творчестве; музыке); о голосах животных (птичьим пении, крике); о славе и хвале. Приведенные примеры показывают, что образ трубы связан с различными семантическими сферами: с реалиями природного мира, с жизнью общества и отдельного человека в нем, с соотносящимися между собой видами искусства и т.д.

Рассмотрим функционирование анализируемого образа в конкретных поэтических произведениях. В 1753 г. «...роговой оркестр впервые услышал М.В. Ломоносов и свои впечатления о нем выразил в “надписи” – “На изобретение роговой музыки”...» [Вертков 1948: 15]. В стихотворении «На изобретение роговой музыки» поэт пишет и о роге, и об охотничьих трубах: «Ловцов и пастухов меж селами отрада, // Одни ловят зверей, другие смотрят стада. // Охотник в рог ревет, пастух свистит в свирель. // Тревожит оной нимф; приятна тиха трель. // ... // Что было грубости в охотничьих трубах, // Нарышкин умягчил при наших берегах; // Чего и дикие животны убегали, // В том слухи нежные приятности ссыкали» [Музыка 1985: 15]. Мих.Ю. Вильегорский, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский и А.С. Пушкин написали коллективное стихотворение «Канон в честь М.И. Глинки» по случаю премьеры оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин» [Музыка 1985: 49–50]. В нем упоминаются труба и барабан из-за громкости их звука: «В честь толь славныя новинки // Грянь, труба и барабан, // Выпьем за

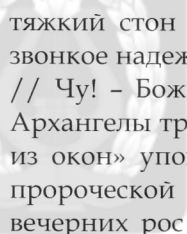

здоровье Глинки // Мы глинтвейну стакан» [Музыка 1985: 50]. А.Н. Майков в стихотворении «А.Г. Рубинштейну» описывает исполнение музыки великим пианистом, упоминая при этом архангельскую трубу: «Ветхозаветный спор, спор вечный из-за них // Решается ль теперь?.. Дрожат и стонут доли, // Мятется океан, в раскатах громовых // Архангельской трубы проносятся глаголы...» [Музыка 1985: 61–62] (словосочетание *глаголы трубы* говорит о том, что инструмент наделяется способностью говорить, так как одно из значений слова *глагол* – «Речь, слово (стар.)») [Ожегов и Шведова 1999: 131]. А. Белый посвятил одну из глав своей поэмы «Первое свидание» воспоминаниям о симфонических концертах Московского отделения Русского музыкального общества, которые он слушал; в ней повествуется о разных музыкальных инструментах, в том числе и о трубах: «И после, из седых усов // Надувши пухнувшие губы // На флейт перепелиный зов, – // Приказ выкидывает в трубы...» [Музыка 1985: 133]. Вс.А. Рождественский в стихотворении «Музыка в Павловске (Девятьсотые годы)» рассказывает о концертах, проходивших в Павловском вокзале; здесь также говорится о музыкальных инструментах, в числе которых есть и трубы: «О, флейты Шуберта! С откоса // Сквозь трубы и виолончель // Летите в мельничьи колеса, // Где лунно плещется форель...» [Музыка 1985: 148–149]. Э.Г. Багрицкий во вступлении к поэме «Сказание о море, матросах и летучем голландце», связанной с оперой Р. Вагнера «Летучий голландец», пишет о голосе трубы, исполняющей громкую, торжественную музыку: «Прислушайся: в тревоге хоровой // Уже труба подьмлет глас державный. // То вагнеровский двинулся прибой, // И восклицающий, и своенравный...» [Музыка 1985: 156]. Н.А. Заболоцкий в стихотворении «Бетховен» упоминает трубы (вероятнее всего, трубы органа), рассказывая о сути творческого наследия великого композитора: «Дубравой труб и озером мелодий // Ты превозмог нестройный ураган, // И крикнул ты в лицо самой природе, // Свой львиный лик просунув сквозь орган» [Музыка 1985: 190]. Орган – это самый крупный «...клавишно-духовой инструмент с большим набором труб разного размера. Каждая труба издает звук определенных высоты и тембра» [Михеева 2005: 212]. П.Г. Антокольский в стихотворении «Концерт в Киеве» повествует о концерте в городском парке, отмечая и боевую трубу: «И, словно русалочья небыль, // Неясное возникновенье летучих, // Рыдающих, плещущих звуков, // И трубных и струнных. // Толстяк с накрахмаленной грудью // Швыряет в толпу их горстями. // И звуки становятся тут же вестями // О грозных Перунах, // О том, как гремели недавно орудья // Над кручей Днепра. // Но когда ж это было? // О чем боевая труба протрубила? // Давно отошла боевая пора» [Музыка 1985: 212–213]. Глагол *трубить*, употребленный в данном примере и встречающийся далее, является многозначным: «1. *во что*. Дуя в трубу (или сходный музыкальный инструмент), извлекать из нее

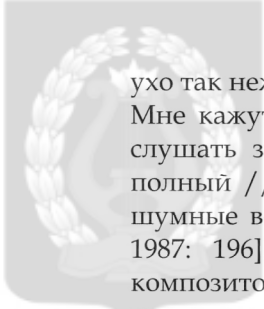

звуки. ... 2. (1 и 2 л. не употр.) Звучать (о трубе). ... 3. *что*. Звуком трубы давать сигнал» [Ожегов и Шведова 1999: 813]. Концерт проходит после окончания Великой Отечественной войны, и трубы помогают не забывать об этом событии: «Но скрипичные вихри, свиваясь жгутом, // Полосуют толпу как попало! // Чтобы помнила все, навсегда // И не смела забвеньем хвалиться, // Только памятью вечной горда! // Чтобы юные смуглые лица // Повзрослели от бури, рыдающей в трубах, // От работы отважной, // Прodelанной в ритмах надежных и грубых, // Вот и все. Остальное не важно» [Музыка 1985: 213] (словосочетание *буря, рыдающая в трубах* в метафорической форме выражает эмоции и чувства людей, связанные с войной).

Труба может исполнять музыку героического характера: «Трубу как “героический” инструмент использовали многие западноевропейские композиторы второй половины прошлого столетия (XIX столетия – Е.М.). Мужественной отвагой, пафосом утверждения наполнена, например, главная тема финала Пятой симфонии А. Дворжака, звучащая у труб» [Усов 1989: 32]. С.Я. Маршак в стихотворении «Я помню день, когда впервые...» пишет о полковых трубах, играющих в городском саду, производящих впечатление стройности и четкости военных, и отражающих солнце (они способны играть доблестно и торжественно): «Я помню день, когда впервые – // На третьем от роду году – // Услышал трубы полковые // В осеннем городском саду. // И всё вокруг, как по приказу, // Как будто в строй вступило сразу. // Блеснуло солнце сквозь туман // На трубы светло-золотые, // Широкогорлые, витые // И круглый, белый барабан» [Музыка 1987: 32], а также о трубах – важнейшем элементе органа: «Как хорошо, что с давних пор // Узнал я звуковой узор, // Живущий в пении органа, // Где дышат трубы и меха, // И в скрипке старого цыгана, // И в нежной дудке пастуха» [Музыка 1987: 33]. В.А. Рождественский в стихотворении «*Vox humana*» использовал такой эпиграф: «*Vox humana* – голос человека – // старинное название органа» [Музыка 1987: 34]. Он описывает трубы этого музыкального инструмента: «Но вот уже за кисеи тумана // Блеснули трубы – прямоствольный лес // Высокого и строгого органа // Под гулким скатом каменных небес. // ... // Неудержимо рвется воздух пленный, // По горлу труб под натиском мехов, // Смятеньем человеческой вселенной // И музыкой – гармонией миров» [Музыка 1987: 35–36]. П.Г. Антокольский в стихотворении «Музыка» сравнивает звучание труб с рыданиями: «Я – как набросок или черновик, // Нелеп, невылеплен, некрепок... // Вот и летят за мной из века в век // Рыдания труб и стоны скрипок» [Музыка 1987: 36]. В.Г. Бенедиктов в стихотворении «О! Не играй!» пишет о громадном диапазоне чувств, который способна передать музыка при помощи различных образов, в том числе и образов трубящих архангелов: «Понятны мне, понятны эти звуки: // Вот – вздох любви! вот –

тяжкий стон разлуки! // Вот – тихая молитва... вот – слеза... // Вот – звонкое надежды лепетанье! // ... // И вот сверкнул кинжал самоубийцы... // Чу! – Божий гром!.. Конец! – Трещат гробницы... // Земля дрожит... Архангелы трубят» [Музыка 1987: 69]. Н.Н. Асеев в стихотворении «Музыка из окон» упоминает трубы в произведениях Р. Вагнера; они наделяются пророческой функцией: «Подмостки вечера полого – // лишь вина вечерних рос допью – // Бах, в перчатках из олова, // колеблет тяжелой поступью. // Но он ускоряет шаг, не рад, // гонимый темной тенью: // это – грозные трубы Вагнера // пророчат землетрясенье...» [Музыка 1987: 113–114]. И.Л. Сельвинский в стихотворении «Как битва змеи с поросенком» употребляет индивидуально-авторский неологизм *трубьясь*, рассказывая о джазовом концерте: «Медный струнаж трепетал, трубьясь. // (Так Шаляпин роль Годунова // Вывел из баритона в бас)» [Музыка 1987: 118]. В.А. Жуковский в произведении «Пиршество Александра, или Сила гармонии» (в переводе оды Дж. Драйдена) описывает звучание рога и трубы: «Хвалою Бахуса воспламенились струны: // “Грядет, грядет веселый бог, // Всегда прекрасный, вечно юный. // Звучи, кимвал; раздайся, рог; // Наш Бахус светлый, сановитый; // Как пурпур, пламенны ланиты; // Звучи, труба! грядет, грядет!..”» [Музыка 1987: 136]. В.В. Маяковский в стихотворении «Кое-что по поводу дирижера» создает интересные образы оркестрантов: «Когда обиженный выбежал дирижер, // приказал музыкантам плакать. // И сразу тому, который в бороду // толстую семгу вкусно нес, // труба – изловчившись – в сытую морду // ударила горстью медных слез. // ... // В самые зубы туше опóенной // втиснул трубу, как медный калач, // дул и слушал – раздутым удвоенный, // мечется в брюхе плач» [Музыка 1987: 150–151]. М.И. Цветаева в одной из глав поэмы «Крысолов» использует образ трубы: «“Не в ушеса, а в слух // Вам протрубят к обедне – // В день, когда сбросит дух // Тело: чехол последний, // В день, когда станут – льды. // В душу – и без трубы. // Не в инструменте – в нас // Звук. Разбивайте дудки!..”» [Музыка 1987: 163]. Н.А. Заболоцкий в стихотворении «Бродячие музыканты» пишет о трубе и передает ее звучание при помощи оригинальных образных средств (*трубы волшебный локон*, *тупое жерло* и др.): «Закинув на спину трубу, // Как бремя золотое, // Он шел, в обиде на судьбу. // За ним бежали двое. // ... // И вдруг в колодце между окон // Возник трубы волшебный локон, // Он прянул вверх тупым жерлом // И заревел. Глухим орлом // Был первый звук. Он, грохнув, пал. // За ним второй орел предстал, // Орлы в кукушек превращались, // Кукушки в точки уменьшались, // И точки, горло сжав в комок, // Упали в окна всех домов» [Музыка 1987: 164]. А.М. Жемчужников в стихотворении «Я музыку страстно люблю, но порою...» упоминает различные музыкальные инструменты, в том числе и трубы; они неприятны лирическому герою данного сочинения: «Я музыку страстно люблю, но порою // Настроено

ухо так нежно, что трубы, // Литавры, и флейты, и скрипки – не скрою – // Мне кажутся резки, пискливы и грубы» [Музыка 1987: 196]. Он хотел бы слушать звуки природных явлений: «Нет, хор бы составили чудный и полный // Гул грома, и буря, и свист непогоды, // И робкие листья, и шумные волны... // Всего не исчислишь... все звуки природы!» [Музыка 1987: 196]. А.Н. Апухтин в стихотворении «Певец во стане русских композиторов» (сочинение «...включается в ряд пародийных переложений произведения В.А. Жуковского “Певец во стане русских воинов” (первая из пародий – “Певец в Беседе славянороссов” – принадлежит К.Н. Батюшкову). В апухтинской пародии отражены музыкально-критические дискуссии русской прессы 1860–1870-х годов» [Музыка 1987: 271]) пишет о трубе, в числе других музыкальных инструментов (а также певческих голосов) подчиняющейся дирижеру Направнику (Направник Э.Ф. (1839–1916) – «...русский композитор, дирижер и органист, чех по происхождению» [Михеева 2005: 198]): «Один ты бодрствуешь за всех, // Наш капитан-исправник, // По темпу немец, родом чех, // Душою росс – Направник! // Подвластны все тебе, герой: // Контральто, бас, сопрано, // Смычок, рожок, труба, гобой» [Музыка 1987: 260].

В.А. Луговской в стихотворении «Курсантская венгерка» сочетает имя существительное *трубы* и глагол *петь*, подчеркивая этим прекрасный звук инструментов: «Навек улыбаются губы // Навстречу любви и зиме, // Поют беспечальные трубы, // Литавры гудят в полутьме» [Стихи 1982: 62]. А.Д. Чуркин в стихотворении «Музыка» описывает звук рассматриваемого медного духового инструмента при помощи зрительных ощущений: «И трубы медью пламенеют, // Над миром рассыпая гром... // Мы с грозной музыкой, мы с нею // Непобедимые идем» [Стихи 1982: 67]. Л.С. Первомайский в стихотворении «Мост» пишет о трубах и трубачах во время боевых действий: «Летели трубы, выстрелы, клинки // В сквозной расщеп расколотого мрака, // И отражали молнию зрачки, // Как становой хребет ночной атаки. // ... // А ночь тянулась сутки. Трубачи // Трубили помертвельми губами. // И падали, разбитые в ночи, // Дубы, дождем разбрызгивая пламя» (перевод с украинского П. Карабана) [Стихи 1982: 77]. В.Ф. Боков в стихотворении «Музыка» упоминает сигнальную функцию анализируемого музыкального инструмента (медных труб) при выражении своего восприятия поцелуя: «И когда твои горькие губы // Негасимым огнем опалят, // Во мне слышатся медные трубы, // Что в поход собираться велят» [Стихи 1982: 90]. М.И. Алигер в стихотворении «Музыка» повествует о ночной тревоге, производящей на нее такое же впечатление, как звуки трубы: «Но ты мне оставил так много, так много: // две вольные жизни, мою и твою. // Но ты мне оставил не жалобу вдовью, – // мою неуступчивую судьбу, // с ее задыханьями, // жаром, // любовью, // с ночную тревогой, трубящей в трубу» [Стихи 1982: 103]. Б.А. Слуцкий в

стихотворении «Духовые оркестры» подчеркивает важность трубы в данном типе оркестров и то, что труба относится к группе медных духовых инструментов (С.С. Газарян указывает: «Деление на деревянные и медные инструменты сейчас можно считать чисто условным, оно выражает не столько то, из чего сделана та или иная труба, сколько способ извлечения звука и механическую систему инструмента» [Газарян 1985: 63]): «Духовые оркестры на дачных курзалах // И на вдаль провожающих войско вокзалах, // Громыхайте, трубите, тяните свое! // Выдавайте по пуду мажора на брата // И по пуду минора – // Если боль и утрата. // Выдавайте, что надо, // Но только свое. // Ваши трубы из той же, что каски пожарных, // Меди вылиты, // тем же пожаром горят» [Стихи 1982: 114]. Ю.Д. Левитанский в стихотворении «Баллада о гитаре и трубе» олицетворяет данные музыкальные инструменты, которые ведут свой диалог на войне, и даже приводит вербальное воплощение их звучания: «Две дороги степные, // А кругом – ковыли. // Там гитара с трубою // Разговор завели. // Начинала гитара: // – Тара-тара, та-тара. // – Тра-па-па-па, па-па! – // Отвечала труба» и др. [Стихи 1982: 123]. С тех пор, как гитарист и трубач были убиты, в стихотворении больше нет слов, имеющих индивидуально-авторский характер и по функции приближающихся к звукоподражаниям: «Две дороги степные, // Только ветер в упор – // Всё гитары с трубою // Не кончается спор. // Две дороги – две песни, // Две тропы – две судьбы. // И нельзя без гитары, // И нельзя без трубы» [Стихи 1982: 123]. Б.Ш. Окуджава в стихотворении «Чудесный вальс» пишет о способности трубы выражать различные эмоции и чувства и исполнять туш (*туш* – «...Короткое торжественное музыкальное приветствие» [Ожегов и Шведова 1999: 817]): «Заезжий музыкант целуется с трубою. // Пассажи по утрам, // так просто, // ни о чем. // Он любит не тебя. Опомнись. Бог с тобою. // Прижмись ко мне плечом. // Прижмись ко мне плечом. // Живет он третий день в гостинице районной, // где койка у окна – всего лишь по рублю. // И на своей трубе, // как чайник, раскаленной, // вздыхает тяжело... // А я тебя люблю. // Ты слушаешь его задумчиво и кротко. // как пенье соловья, // как дождь и как прибой. // Его большой трубы простуженная глотка // отчаянно хрипит... // (Труба, трубы, трубой...) // Трубач играет туш, трубач потеет в гамме, // трубач хрипит свое и кашляет, хрипя... // ... // Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью: // заезжий музыкант играет на трубе! // Что мир весь рядом с ней, // с ее горячей медью?.. // (Судьба, судьбе, судьбы, // судьбою, о судьбе)» [Стихи 1982: 129–130]. Для характеристики звучания инструмента он создает образ простуженного человека при помощи следующих словосочетаний: *вздыхает тяжело; простуженная глотка; отчаянно хрипит; хрипит свое; кашляет, хрипя*. Изменяя слова *труба* и *судьба* по падежам в данном поэтическом тексте, автор словно ставит их в один ряд и семантически уравнивает в

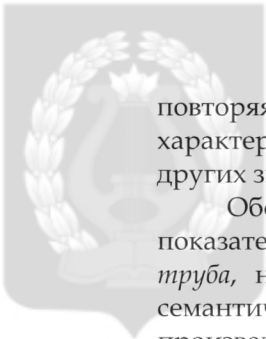
имеющемся контексте – рассказе о любви в форме вальса (ритм этого танца выражают повторы предложения и слов; однотипное построение синтаксических конструкций). В.М. Сидоров создает образ духовых оркестров в одноименном стихотворении; эти оркестры играют обо всех, кого уже нет в живых, заставляют людей помнить ушедших, поэтому говорится об их силе и грусти (в стихотворении упоминаются *мундштуки*; в данном контексте *мундштук* – «Часть духового музыкального инструмента, которая при игре берется в рот или приставляется к губам» [Ожегов и Шведова 1999: 370]): «А небо, небо – в непрерывном гуле... // Играют трубы на закате дня, // И звуки, как светящиеся пули, // Летят, в закатном зареве звеня. // Когда, к холодным мундштукам припавши, // Оркестры будят тишину вокруг, // Дыханье павших, без вести пропавших // Опять весь мир пронизывает вдруг. // И вот опять проснулось и воскресло // Всё то, что сердце знает наизусть... // Какая сила в духовых оркестрах! // Какая сила и какая грусть...» [Стихи 1982: 157]. Е.А. Евтушенко в стихотворении «Труба Армстронга» рассказывает о знаменитом трубаче Л. Армстронге (Армстронг Луи (1900–1971) – «...американский певец и трубач негритянского происхождения. ... Л. Армстронг – самый известный американский музыкант, обогативший своим творчеством возможности джаза» [Музыка: Энциклопедия 2001: 22]): «Он миру трубил, // как любил. // Украден у мира могилой, // Еще до рожденья он был // украден // у Африки милой. // И скрытую местью раба // за цепи невольничьих предков // всех в рабство, // как малолетков, // захватывала труба. // ... // Искусство – // не шарм трепача, // а, полный движений нелегких, // трагический труд трубача, // где музыка – с ключьями легких. // ... // И чтоб не журились в аду, // чтоб грешников смерть подбодрила, // отдайте Армстронгу // трубу // архангела Гавриила!» [Стихи 1982: 164]. Поэт говорит о том, что музыканту нужно отдать трубу архангела Гавриила, акцентируя этим силу и значительность воздействия исполняемой им музыки на слушателей.

Н.А. Львов в стихотворении «Снегирь» пишет о звуках, издаваемых снегирем, похожих на звучание трубы: «Пускай павлин, хвостом пушистый, // Своею славится трубой! // Петух и ночью голосистый, // А ты, мой друг снегирь, не пой» [Люблю 1989: 16]. В.Г. Бенедиктов в стихотворении «К N. N.-ой» описывает фантастическое звучание инструмента: «И небо вдруг над бешеным рокочет // Архангела последнюю трубой!...» [Люблю 1989: 115]. Н.П. Огарев в стихотворении «Моцарт» повествует о бродячих артистах, плохо играющих на разных музыкальных инструментах, в том числе и на трубе: «Толпа на улице и слушает, как диво, // Артистов-побродяг. Звучит кларнет пискливо; // Играющий на нем, качая головой, // Бьет оземь мерный такт широкою ногой; // Треща визжит труба; тромбон самодовольный // Гудит безжалостно и как-то невпопад, // И

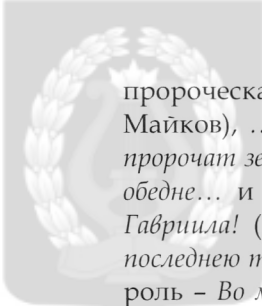

громко все они играют на разлад, // Так что становится ушам до смерти больно» [Люблю 1989: 132]. С такой негармоничной музыкой автор сравнивает жизнь: «Так что ж? Вся наша жизнь проходит точно так! // В семье ль, в нарядах ли – весь люд земного шара, // Всё это сборище артистов-побродяг // Играет на разлад под действием угара...» [Люблю 1989: 132], причем понимают это не все: «А те немногие, которых тонкий слух // Не может вынести напор фальшивой ноты, // Болезненно спешат всё учащая дух, // Уйти куда-нибудь от пытки и зевоты, // Проклятьем наградя играющих и их // Всех капельмейстеров небесных и земных» [Люблю 1989: 132]. Я.П. Полонский в шутке в виде поэмы «Кузнечик-музыкант» приравнивает к звучанию трубы звуки, производимые насекомыми, используя слова *трубачи*, *трубили*, *затрубили*: «И тебя дразнили пискуну пустые, // Комары-злодеи, трубачи степные...» [Люблю 1989: 171], «Стрекотали мухи; комары трубили...» [Люблю 1989: 182], «Комары, проснувшись и поднявшись роем, // Затрубили в трубы, точно перед боем...» [Люблю 1989: 191]; а в стихотворении «Казимир Великий» описывает трубящего человека – польского короля Казимира: «Казимир, круль польский, мчится в Краков // С молодой, веселою женой. // К ночи он домой спешит с охоты; // Позвонки бренчат на хомутах; // Впереди, на всем скаку, не видно, // Кто трубит, вздымая снежный прах...» [Люблю 1989: 195], музыкальные инструменты: «Стихли трубы, бубны и цимбалы...» [Люблю 1989: 197], пение народного музыканта: [гусяр] «Заунывным голосом запел: // “Ох, вы хлопцы, ой, вы божьи люди! // Не враги трубят в победный рог...”» [Люблю 1989: 198]. В.И. Иванов в стихотворении «Цикады» (из цикла «Песни Дафниса»): пишет о звуках, издаваемых данными насекомыми: «Зноя трескучие // Вы трубачи! // Музам вы любы: // Куйте мне в трубы // Сладостной славы // Серебра сплавы, // Злата лучи...» [Люблю 1989: 407], а в стихотворении «Альпийский рог» – об использовании альпийского рога пастухом, при этом употребляется причастие *трубивший* (герой произведения дует в музыкальный инструмент и извлекает звуки): «Средь гор глухих я встретил пастуха, // Трубившего в альпийский длинный рог. // Приятно песнь его лилась; но, зычный, // Был лишь орудьем рог, дабы в горах // Пленительное эхо пробуждать» [Люблю 1989: 409]. Д.П. Шестаков в стихотворении «Петух» говорит о пении петуха, по интенсивности напоминающем звук трубы, приносящем лирическому герою положительные эмоции: «Он бодро требует ответа // Своей трубе, и слышен в ней // Мне праздник зелени и света // В родном саду, в тени ветвей...» [Люблю 1989: 429]. Н.С. Гумилев в стихотворении «Пятистопные ямбы», посвященном М.Л. Лозинскому, упоминает боевую трубу: «И в реве человеческой толпы, // В гуденьи проезжающих орудий, // В немолчном зове боевой трубы // Я вдруг услышал песнь моей судьбы // И побежал, куда бежали люди, // Покорно

повторяя: буди, буди» [Люблю 1989: 491]. Звучание инструмента характеризуется при помощи словосочетания *немолчный зов*; в нем (как и в других звуках) лирический герой слышит песнь своей судьбы.

Обобщая весь приведенный материал и основываясь на наиболее показательных примерах, включающих не только имя существительное *труба*, но и другие слова, связанные с ним словообразовательными и семантическими связями, можно заключить, что труба в поэтических произведениях названных авторов представлена следующим образом: 1) она имеет громкий и сильный звук – *Что было грубости в охотничьих трубах...* (М.В. Ломоносов), *Грянь, труба...* (Мих.Ю. Вильегорский, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин), *Приказ выкидывает в трубы...* (А. Белый), *Звучи, труба!* (В.А. Жуковский), *Возник трубы волшебный локон, // Он прянул вверх тупым жерлом // И заревел. ... и др.* (Н.А. Заболоцкий), *...трубы, // Литавры, и флейты, и скрипки – не скрою – // Мне кажутся резки, пискливы и грубы* (А.М. Жемчужников), *Играют трубы на закате дня...* и др. (В.М. Сидоров), *Треца визжит труба...* (Н.П. Огарев) и др.; 2) она наделяется способностью говорить – *...в тревоге хоровой // Уже труба подьмет глас державный* и др. (Э.Г. Багрицкий), *Начинала гитара: // Тара-тара, та-тара, Всё гитары с трубою // Не кончается спор* и др. (Ю.Д. Левитанский) и др.; 3) трубы – составная часть органа – *Дубравой труб...* (Н.А. Заболоцкий), *Где дышат трубы и меха* (С.Я. Маршак), *Блеснули трубы – прямоствольный лес // Высокого и строгого органа..., Неудержимо рвется воздух пленный, // По горлу труб под натиском мехов...* (В.А. Рождественский); 4) она (как и рог) важна и в военное, и в мирное время – *О чем боевая труба протрубила?* (П.Г. Антокольский), *Услышал трубы полковые...* (С.Я. Маршак), *Летели трубы, выстрелы, клинки // В сквозной расцеп расколотого мрака... // ... // ...Трубачи // Трубили помертвелыми губами* (Л.С. Первомайский), *Впереди, на всем скаку, не видно, // Кто трубит, вздымая снежный прах..., Не враги трубят в победный рог...* (Я.П. Полонский), *Средь гор глухих я встретил пастуха, // Трубившего в альпийский длинный рог* и др. (В.И. Иванов), *В немолчном зове боевой трубы // Я вдруг услышал песнь моей судьбы...* (Н.С. Гумилев) и др.; 5) она способна выражать эмоции и чувства – *Неясное возникновенье летучих, // Рыдающих, плещущих звуков, // И трубных и струнных, ...от бури, рыдающей в трубах...* и др. (П.Г. Антокольский), *Рыданья труб...* (П.Г. Антокольский), *труба – изловчившись – в сытую морду // ударила горстью медных слез* (В.В. Маяковский), *Поют беспечальные трубы...* (В.А. Луговской), *с ночною тревогой, трубящей в трубу* (М.И. Алигер), *Заезжий музыкант целуется с трубою, И на своей трубе, // как чайник, раскаленной, // вздыхает тяжело..., Его большой трубы простуженная глотка // отчаянно хрипит..., Трубач играет туш, трубач потеет в гамме, // трубач хрипит свое и кашляет, хрипя..., заезжий музыкант играет на трубе! // Что мир весь рядом с ней, // с ее горячей медью?..* и др. (Б.Ш. Окуджава), [Л. Армстронг] *Он миру трубил, // как любил, всех в рабство, // как малолетков, // захватывала труба* (Е.А. Евтушенко) и др.; 6) ей придается

пророческая функция – *Архангельской трубы проносятся глаголы...* (А.Н. Майков), ... *Архангелы трубят* (В.Г. Бенедиктов), ...*грозные трубы Вагнера // пророчат землетрясение...* (Н.Н. Асеев), *Не в ушеса, а в слух // Вам протрубят к обедне...* и др. (М.И. Цветаева), *отдайте Армстронгу // трубу // архангела Гавриила!* (Е.А. Евтушенко), *И небо вдруг над бешеным рокошет // Архангела последню трубой!..* (В.Г. Бенедиктов) и др.; 7) она выполняет организующую роль – *Во мне слышатся медные трубы, // Что в поход собираться велят* (В.Ф. Боков), *Духовые оркестры... //... // Громычайте, трубите, тяните свое!* и др. (Б.А. Слуцкий) и др.; 8) она имеет функциональные и системные особенности – *В самые зубы туше опóенной // втиснул трубу, как медный калач...* и др. (В.В. Маяковский), *И трубы медью пламенеют, // Над миром рассыпая гром...* и др. (А.Д. Чуркин), *Ваши трубы из той же, что каски пожарных, // Меди вылиты, // тем же пожаром горят* (Б.А. Слуцкий), *трагический труд трубача, // где музыка – с ключьями легких* (Е.А. Евтушенко) и др.; 9) звуки, издаваемые птицами и насекомыми, подобны звучанию трубы – *Пускай павлин, хвостом пушистый, // Своею славится трубой!* (Н.А. Львов), *Комары-злодеи, трубачи степные..., ...комары трубили..., Комары, проснувшись и поднявшись роем, // Затрубили в трубы, точно перед боем...* (Я.П. Полонский), *Зноя трескучие // Вы трубачи! // ... // Куйте мне в трубы // Сладостной славы // Серебра славы, // Злата лучи...* (В.И. Иванов), *[нетух] Он бодро требует ответа // Своей трубе, и слышен в ней // Мне праздник зелени и света...* (Д.П. Шестаков). Следует отметить, что данная классификация носит условный характер, так как многие примеры могут быть отнесены к нескольким рубрикам одновременно, однако она дает наглядное представление о семантическом содержании рассматриваемого образа.

Ю.А. Усов писал о трубе: «Блестящий, открытый тембр трубы, ее богатейшие выразительные и технические возможности раскрываются в симфоническом оркестре в самых разнохарактерных музыкальных образах. Пожалуй, ни один духовой инструмент не способен к выражению такого разнообразия звуковых красок. Мы слышим голос трубы в музыке, передающей настроение торжественности и праздничности, величественности и монументальности, широты и простора, героики и патриотизма, юмора и сарказма, скорби и печали. Привычно для нас участие трубы в военных эпизодах, в исполнении маршей, сигналов» [Усов 1989: 3]. Итак, образ одного из самых распространенных и популярных медных духовых инструментов – трубы – в поэтическом дискурсе передает выразительность, эмоциональное напряжение, торжественность музыки; олицетворяет силу и могущество; при помощи этого образа поэты стремятся оказать воздействие на как можно большее количество реципиентов. Семантическое содержание образа трубы имеет связь с религией, миром природы, жизнью общества и личности, искусствами и т.д.; компонент 'медь' символизирует звучность (при этом сочетаются семы

'блеск металла' и 'сила звука'). Образ трубы также является составной частью образа сложного и очень большого инструмента – органа. Следовательно, данный образ является сложноорганизованным и полисемантическим.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вертков, К.А. *Русская роговая музыка* / К.А. Вертков / Под ред. проф. С.Л. Гинзбурга. – М.-Л.: Государственное музыкальное издательство, 1948. (с нотными расшифровками).
- Вертков, К.А. *Русские народные музыкальные инструменты* / К.А. Вертков; общ. ред. С.Я. Левина. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1975.
- Газарян, С.С. *В мире музыкальных инструментов*: Кн. для учащихся ст. классов / С.С. Газарян. – М.: Просвещение, 1985.
- Иванов, В.Д. *Словарь музыканта-духовика* / В.Д. Иванов. М.: Музыка, 2007.
- Иванова, Н.Н. *Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)*: Более 4500 образных слов и выражений / Н.Н. Иванова, О.Е. Иванова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Транзиткнига», 2004.
- Коляда, Е.И. *Музыкальные инструменты в Библии* / Е.И. Коляда. – М.: Издат. дом «Композитор», 2003.
- Люблю я вас, богини пенья...*: Антология / Сост. Г. Красухин. – М.: Музыка, 1989.
- Матвеев, В.А. *Русский военный оркестр. Краткий очерк* / В.А. Матвеев. – М.-Л.: Музыка, 1965.
- Михеева, Л.В. *Словарь юного музыканта* / Л.В. Михеева. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005.
- Музыка в зеркале поэзии*: [Сб. стихов. В 3-х вып.] / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. – М.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1985. – Вып. 1: «...нам музыка звучит».
- Музыка в зеркале поэзии*: [Сб. стихов. В 3-х вып.] / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Каца. – М.: Сов. композитор, Ленингр. отд-ние, 1987. – Вып. 3: «Что в музыке?».
- Музыка: Энциклопедия. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

- Ожегов, С.И. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1999.
- Основы теоретического музыкознания: Учеб. пособие для студ. высш. муз. пед. учеб. заведений* / А.И. Волков [и др.]; Под ред. М.И. Ройтерштейна. – М.: Издат. центр «Академия», 2003.
- Стихи о музыке. Русские, советские, зарубежные поэты: [Сборник]* / сост. А.Н. Бирюкова, В.М. Татаринев; под общ. ред. В. Лазарева. – М.: Сов. композитор, 1982.
- Усов, Ю.А. *Труба: Популярный очерк* / Ю.А. Усов. М.: Музыка, 1989.

Image of Pipe in Poetical Discourse

Keywords: *image, pipe, poetry, brass, instrument.*

Abstract: The image of the most popular and widely distributed brass – the pipe – conveys in poetical discourse expressive spirit, emotional strain and solemnity of music; embodies power and might; the poets resort to this image to induce response in the largest possible audience. Semantics of the image of pipe is associated with religion, nature, personal and social life, arts, etc; the brass element symbolizes sonority (combining the semes 'glitter of metal' and 'volume of sound'). The image of pipe is a constituent of the image of sophisticated massive musical instrument – the organ. Summing up, the analyzed image is distinguished by complex structure and polysemantics.